

В памяти промелькнул тот полный юношеского задора молодой человек, и Чэнь Мэнлэй тяжело вздохнул:

— Ваше Величество... Как он в конце концов погиб?

Император Лунжэн не стал больше ничего объяснять и просто швырнул мемориал Чжунчэфу прямо Чэнь Мэнлэю.

Чэнь Мэнлэй принял бумагу, бегло просмотрел её и кивнул.

У этого пацана Цзя Чжиго голова на плечах ещё работает. Хотя, если поступить так, в глазах простого народа и благородных ученых мужей за ним неизменно закрепится дурная слава нечестивого сына. Но разве клан Цзя сейчас этого боится?

Вот только стоит этой молве разойтись, как путь Цзя Чжиго к сдаче императорских экзаменов будет практически отрезан. Конечно, даже без этого инцидента, со смертью Цзя Шэ, титул неизбежно перейдет к нему, а он — наследник знатного рода военных — изначально не мог сдавать экзамены.

Чэнь Мэнлэй никогда не сомневался в том, сможет ли Цзя Чжиго унаследовать титул. Что же касается закулисных интриг Цзя Му, то они казались ему до смешного наивными.

Однако, если подумать, титул титулом, а Чэнь Мэнлэй всё же хотел помочь своему внуку. Он понимал, что Император Лунжэн как раз и ждёт от него этой просьбы.

— Ваше Величество, — помолчав, произнёс Чэнь Мэнлэй. — Цзя Шэ искажил военные приказы, и он заслужил смерть. Но в конце концов он был законнорожденным старшим сыном прежнего Жунго и носил титул дома Жунго. Теперь, когда человека внезапно не стало, не следует ли двору проявить некоторую милость к клану Цзя? В конце концов, это наследственная аристократия, чья судьба разделяет судьбу государства.

Император Лунжэн с полуулыбкой посмотрел на него:

— Учитель, вы ведь окольными путями выбиваете выгоду для своего внука. Он и вправду пришёлся вам по вкусу. Ладно, Я уважу вас ради вашего почтенного возраста.

На улице Жуннин уже давно теснились ряды жертвенных навесов, возведенных различными аристократическими семействами.

Поместье князя Бэйцзин шло во главе, а управляющие удельных князей Синин, Дунпин и Наньань выслали людей для совершения заупокойных обрядов у дороги. Помимо них, восемь родов-основателей, двадцать четыре маркиза, а также шесть князей и шестнадцать маркизов, пожалованных в годы правления Цзиннин, — все они направили своих представителей.

В этом и заключалась опора, которую два поколения клана Цзя потом и кровью заслужили при династиях Тайцзу и Шэнцзу: в каждой эпохе они были первыми людьми в военных кругах. Если бы не никчемные потомки, разве клан Цзя опустился бы до сегодняшнего дня?

Хорошо, что сейчас одуматься еще не поздно.

Цзя Чун стоял на коленях в траурном зале, отвечая на поклоны приходивших выразить соболезнования старых семейных друзей, и одновременно размышлял об этом.

Похороны клана Цзя были обставлены с грандиозным размахом, людей присылал даже сам императорский дом.

Провозившись почти целый месяц, они наконец завершили все хлопоты. Цзя Шэ был предан земле, и всё наконец утряслось.

В этот день Цзя Му, пообедав, махнула рукой Трем сестрам Цзя и Баоюю:

— Похороны старшего господина отняли у вас столько сил и дней, вы тоже изрядно устали. Теперь, когда траур наконец закончился, сегодня никому не нужно сидеть здесь со мной, ступайте все поиграть по своему усмотрению.

Цзя Баоюй уже давно изнывал от безделья.

Не будь он ещё так мал и не обладай он теми странными заскоками, что проявятся у него позже, он бы уже давно швырнул нефрит и устроил истерику.

По мнению Цзя Баоюй, умер всего лишь какой-то вонючий мужик, похожий на грязь, — ну умер и умер, остальные же продолжают жить как жили, разве не прекрасно?

Едва услышав слова Цзя Му, он сразу воспрянул духом:

— Вторая сестрица, третья сестрица, давайте отправимся сочинять стихи, а?

Инчунь уже перешагнула порог подросткового возраста, и многое ей было вполне понятно.

Хотя отец Цзя Шэ и был человеком никудышным, пока он оставался жив, она всё же не чувствовала себя совсем уж одинокой и несчастной.

Теперь же не стало ни отца, ни матери, и в душе у нее клокотала обида. Услышав радостный призыв Цзя Баоюй, даже она со своим бесчувственным нравом почувствовала некоторое раздражение.

Инчунь бросила взгляд на сидевшую рядом с Цзя Му вторую невестку, и та предостерегающе покачала головой, призывая не болтать лишнего. Промолчав, Инчунь развернулась и ушла.

Цзя Му перевела взгляд на Ван Сифэн и Ли Вань:

— Вы обе тоже изрядно устали, не напрягайтесь сегодня, ступайте к себе отдохнуть. Придете к обеду.

Ли Вань хотела из вежливости проявить скромность. Пробыв на положении управляющей невестки столь долгое время, она чувствовала себя неуютно без установленных правил. Однако Ван Сифэн соображала быстро и давно заметила, что у Цзя Му и госпожи Ван есть о чем потолковать с глазу на глаз.

Она схватила Ли Вань за руку и с улыбкой подхватила:

— Ой, как же хорошо, спасибо за милость старой госпожи! Наш второй господин Лянь еще утром ворчал, мол, я целыми днями пропадаю у прародительницы, девки во дворе совсем отбились от рук, и он дома даже чашки горячей воды испить не может. Как раз кстати, пойду наведу там порядок.

Цзя Му рассмеялась:

— Ах ты разбойница и разорительница, обходными путями ловушки мне расставляешь. Ступай быстрее, не то Лянь-эр и впрямь прибежит ко мне требовать свою жену.

Ван Сифэн лукаво подмигнула, потянула за собой Ли Вань, и вместе с толпой служанок они вышли из Зала Жунцин.

Как только дверь закрылась, лицо Цзя Му помрачнело.

— Шутин, то дело улажено?

Госпожа Ван всем телом окостенела и через силу выдавила из себя улыбку:

— Прародительница, что вы такое говорите... Ваша невестка ничего не понимает.

— Не понимает?

Цзя Му бросила на нее косой взгляд, и в ее глазах блеснул ледяной, как нож, свет. Она никогда не жаловала эту вторую невестку: слишком узкий кругозор, излишне торопливый нрав, и вот уже за сорок, а эту дурную привычку исправить так и не смогла.

Вспомнив же ту первую невестку, с которой ей довелось прожить всего несколько лет, она поняла, что разница между ними была просто несопоставимой.

Старший сын ушел из жизни, и она, разумеется, горевала. Но выросшая в знатном аристократическом клане с малых лет, каких только бурь она не повидала? И в родительском доме, и в семье мужа процветала аристократия-основательница династии, так что разлуки с близкими и смерти давно перестали быть в диковинку.

Потерять сына на старости лет было больно, но это всё же не могло ее сломить. К тому же, раз старшего не стало, некоторые вопросы решать стало даже проще.

И тут до нее дошли слухи, что госпожа Ван навещала свой родительский дом и за закрытыми дверями вела тайные переговоры с Ван Цзитэнем. Она даже распустила слухи о том, что Баоюй должен взять на себя титул главы клана Жунго.

Еще более возмутительным было то, что она посмела распускать сплетни, будто Цзя Чжипо — не родной сын Цзя Шэ, пытаясь напрямую лишить его прав на наследство.

Дура.

Цзя Му подумала, что в тот раз кавалер ордена Гун-го и она сама наверняка ослепли, раз выпустили в дом такую дуру. Да, она и сама желала, чтобы Баоюй унаследовал титул, но делать это следовало постепенно, без спешки.

Как передаются государственные почетные титулы? Это зависело от воли императора, а Цзунжэньфу проводило проверку и пожалование. С каких это пор аристократия стала решать всё по собственному усмотрению? К тому же в старшей ветви остался прямой наследник, — с какой стати силой навязывать титул второму дому?

И к тому же эта глупая баба посмела распускать слухи, будто Цзя Чжипо не родной сын Цзя Шэ! У нее вообще есть голова на плечах? Это же прямым текстом навлечет беду на особняк Жунго и покроет позором самого Жунго-гуна. К тому же, даже если бы не было Цзя Чжипо, у Цзя Шэ оставался еще Цзя Цун — к чему все эти мытарства?

Чем больше Цзя Му думала об этом, тем сильнее гневалась, и она с размаху ударила ладонью по столу:

— Ван Шуцин, встань на колени!

Во Дворце Фениксового Узора было светло как днем.

Император Лунжэн закончил подписывать последние доклады, отложил киноварную кисть и направился в покои императрицы.

Нынешняя императрица носила фамилию Сун и происходила из ученой семьи из Цзиньлинга, ее отцом был великий конфуцианец Сун Лянь. На двадцать втором году правления Цзиннин она вышла замуж за шестнадцатилетнего императора Лунжэня. В те времена он еще носил титул удельного князя Чжунхэ.

Как при дворе, так и за его пределами знали, что этот третий принц с малолетства не любил ни с кем общаться, ходил с вечно холодным лицом, и любой, кто пытался к нему подступить, неизменно натывался на ледяную стену.

Это было напрямую связано с его происхождением.

Биологической матерью императора Лунжэня была нынешняя вдовствующая императрица Тянь, однако в те годы она являлась лишь скромной наложницей при кронпринце. Поскольку законная жена кронпринца госпожа Чжан родила лишь дочь, Верховный Император отдал императора Лунжэня ей на воспитание.

Те годы были самыми счастливыми для императора Лунжэня. Он рос под опекой госпожи Чжан, и его положение стояло на голову выше положения его родной матери Тянь.

Увы, счастливое время длилось недолго. На пятнадцатом году правления Цзиннин кронпринцесса госпожа Чжан скончалась от болезни. Верховный Император вновь отправил императора Лунжэня обратно к госпоже Тянь.

К тому моменту госпожа Тянь уже получила ранг благородной наложницы, уступая по статусу лишь кронпринцессе. Она родила кронпринцу пятого сына, Чжэн Юня.

Старший сын, выросший вдали от нее, и младший, которого она вынянчила сама, — нетрудно было догадаться, на чью сторону склонялось сердце Тянь.

В молодости здоровье Верховного Императора было не слишком крепким, да и потомством он не блистал. До восшествия на престол у него родилось пять сыновей, в живых осталось трое. Император Лунжэн был среди них старшим.

После восшествия на престол появилось еще четверо, выжило двое. В итоге у Верховного Императора насчитывалось всего пятеро взрослых принцев.

По сравнению с восемнадцатью сыновьями Тайцзу и тридцатью тремя сыновьями Шэнцзу, эта ветвь выглядела до обидного малочисленной.

Позже здоровье Верховного Императора окончательно пошатнулось, и на двенадцатом году правления Юньань он объявил об отречении от престола. Императорская власть досталась фактическому старшему сыну — удельному князю Чжунхэ, то есть нынешнему императору Лунжэню. Одновременно с этим его биологическая мать Тянь была возведена в ранг

вдовствующей императрицы.

Однако вдовствующая императрица Тянь вовсе не желала такого исхода. Она всеми помыслами стремилась к тому, чтобы трон достался ее младшему сыну — удельному князю Ипину Чжэн Юню. Поэтому в день восшествия императора Лунжэня на престол она при всех гражданских и военных чиновниках бросила ему в лицо: «Указ о наследовании великого трона моим сыном — поистине не то, о чем я мечтала».

Эта фраза превратила нового императора в посмешище для всего поднебесного мира.

Возвращаясь к императрице Сун.

Тем, что император Лунжэн смог воссесть на этот драконий трон, помимо его собственного усердия и готовности трудиться, он был немало обязан именно императрице Сун.

Обладая мягким и кротким нравом, она тем не менее умела растопить холодное сердце императора Лунжэня. Все дела как внутри дворца, так и за его пределами она улаживала единолично.

Еще при жизни Император Шэнцзу хвалил ее: «Добродетель супруги удельного князя Чжунхэ не уступает добродетели императрицы Вэньдэ нашей династии».

Сравнивать супругу удельного князя с мудрейшей императрицей Чансунь из глубины веков — излишне говорить, сколь велик был этот вес.

В годы правления Юньань император Лунжэн был занят государственными делами спереди, в то время как императрица Сун наводила порядок во внутренних покоях шести дворцов и спланировала императорский клан сзади. Ее заслуги были огромны.

Даже вдовствующая императрица Тянь — эта пожилая женщина, которая неизменно косо смотрела на старшего сына, — при упоминании старшей невестки расплывалась в улыбке.

Поэтому чувства императора Лунжэня к императрице Сун были далеко не обычными.

К тому же, хотя императрице Сун уже перевалило за тридцать — возраст, в котором иных уже называют старухами, — ее очарование не смогло превзойти ни одна женщина во всем заднем дворце.

Во Дворце Фениксового Узора было светло как днем.

Та самая женщина, что уже более десяти лет безраздельно властвовала над задним дворцом, по-прежнему выглядела так, что от нее невозможно было отвести глаз. Ее фигура ничуть не

изменилась со дня вступления во дворец, и совершенно не верилось, что она родила императору двух сыновей и дочь.

Обладая столь безупречными данными, императрица заслуженно носила титул любимицы всех шести дворцов, и никто не осмелился бы сказать против этого ни слова.

К моменту прибытия императора императрица Сун уже отошла ко сну. Услышав доклад младшего евнуха, она поднялась, привела себя в порядок и вышла встречать государя.

— Приветствую Ваше Величество.

Император Лунжэн шагнул в главный зал, увидел поклонившуюся императрицу и, сделав широкий шаг вперед, лично поднял ее.

— Я уже столько раз говорил тебе, мы — муж и жена, к чему эти пустые церемонии? Ты могла бы спокойно лежать в постели и ждать меня, в этом нет ничего дурного.

Императрица Сун посмотрела на мужчину, с которым прожила более двадцати лет, улыбнулась и не стала спорить. Она перевела разговор на другое:

— Государь провел у меня уже семь ночей подряд. В заднем дворце столько других сестер, им тоже стоит уделить внимание. К тому же я и впрямь уже валюсь с ног. Разве вы не собирались сегодня во Дворец Накопления Красоты?

Услышав это, император Лунжэн громко рассмеялся.

Хотя он носил титул Сына Неба, но полной реальной властью в руках не располагал, однако все подходящие радости жизни он вкусил сполна.

По заведенному порядку наборы придворных девиц проводились и в первый, и в третий годы правления Лунжэнь. И пусть во второй раз масштаб был поскромнее, но если прибавить к ним старых обитательниц еще со времен удельного княжества, количество женщин в его заднем дворце было поистине немалым.

К тому же, даже без масштабных отборов, ежегодно высокие сановники из провинций и правители вассальных государств неизменно присылали во дворец новых девушек.

И тем не менее император Лунжэн неизменно чувствовал, что сколь бы молодыми и нежными ни были остальные женщины, общение с ними — лишь минутная прихоть. И лишь здесь, рядом с императрицей, он ощущал тепло настоящего дома.

Поэтому большую часть своего времени в заднем дворце он проводил именно во Дворце

Фениксового Узора.

<http://bllate.org/book/19342/1891425>